

РОДОМ ИЗ РЕВОЛЮЦИИ

Наш человек

Страницы жизни Василия Дровяникова

В истории советского искусства и отечественной культуры есть имена, которые в силу ряда обстоятельств оказались забыты. Среди них и Василий Евдокимович Дровяников — солист оперы Большого театра СССР, первый коммунист в истории этой прославленной сцены.

Сегодня его фамилию, увы, нельзя найти даже в «Театральной энциклопедии». А между тем всего каких-нибудь полвека с небольшим назад о нем писали и говорили как о «втором Шаляпине».

«После двухлетнего пребывания за границей в Москву возвратился ставший европейской знаменитостью бас Василий Дровяников», — сообщали «Известия» 14 июня 1929 года. «В настоящее время Дровяников выдвинулся в мировые величайшие», — характерным для тех лет языком добавляла газета.

И в таком утверждении не было ни грана натяжки или преувеличения. Потому что даже буржуазная пресса, обычно весьма подозрительно относящаяся ко всему, что исходит из СССР, по ее словам, «варварской страны большевизма», и та была единодушна — отмечала исключительный успех у западной публики советского певца. Сравнивала его дарование с талантом таких светил, как Шаляпин, Баттистини, Титто-Руфо и другие. Например, уже после первого концерта Дровяникова в Риме 11 итальянских газет печатают восторженные отзывы и выдают такие авансы, что Василий Евдокимович почитал долгом опубликовать специальное ответное письмо. Он признается, что его смущает «преувеличенность похвал» и особенно сравнение с Шаляпиным. Федор Иванович «как артист остается недосягаемым идеалом для всякого певца», считает Дровяников.

Но и письмо не остановило шквала расточительных похвал в адрес певца. Подытоживая его выступления в Италии после прощального концерта в миланской консерватории, одна из самых респектабельных буржуазных газет отмечала: «Певец получил шумный успех, успех чистой воды, неподдельный, и утвердил за собой имя непревзойденного певца и законченного художника, умно и верно истолковавшего вещи самых различных стилей. Певец оставил неизгладимое и незабываемое впечатление». Максим Горький, живший тогда в Сорренто, со знанием дела подчеркнул: «Еще ни один иностранец не получал в Италии таких триумфальных и заслуженных успехов...» И засвидетельствовал: «Голос у него действительно превосходный, насколько я могу судить, мощный, мягкий, чарующий

голос, редкой красоты и силы».

Картина повторилась и в других странах Западной Европы, где состоялись сольные концерты Дровяникова (всего 22). «Этот необычный певец потрясал меня до глубины души, в особенности в русских вещах», — признавался французский критик Жорж Пиок. — Песни волжских бурлаков у него звучат глубочайшей трагедией. И хотя говорят, что имя этому певцу сделала Италия, я бы сказал, что он ничего не потерял бы, если бы отстрился от итальянского репертуара вовсе, ибо в русском репертуаре он уже теперь не имеет себе равного. Многие критики охотно сравнивают его с Шаляпиным... Это голос беспредельных возможностей в будущем. Дровяников — один из величайших басов мира, которых можно теперь слышать».

В Париже в большом зале Плейеля публика настолько темпераментно принимала каждый номер его программы и так неистово аплодировала, вызывая артиста на «бис», что Василию Евдокимовичу было просто совестно закончить концерт, хотя время его давно вышло. На «бис» в тот вечер он пел два с половиной часа. «Дровяников поставил своеобразный мировой рекорд пения», — с добрым юмором писала на следующий день французская пресса. Завершился этот необычный концерт исполнением «Марсельезы», которую подхватил весь зал. Но и после «Марсельезы» слушатели не спешили расходиться — устроили ему овацию на улице и шумной толпой проводили до самой гостиницы.

Я так подробно рассказываю о парижском выступлении Дровяникова еще и потому, что оно занимало особое место в его зарубежном турне.

Именно в Париже советскому певцу собирались дать бой и в конечном счете сорвать концерт разного рода темные личности из белогвардейского эмигрантского отребья. Перед тем они травили артиста в своих газетах, строили всякие козни, замыслили провокации. Но оказались бессильными перед искусством Василия Евдокимовича и неподдельной любовью его ценителей — парижан.

У недобитых белогвардейцев были особые счеты к Дровяникову — коммунисту с дореволюционным стажем, активному участнику гражданской войны и хозяйственного строительства, красному командиру, партизану, подпольщику, чекисту... Шутка ли, четыре года назад будущий «второй Шаляпин», солист оперы главного театра страны, даже не помышлял о профессиональной работе артиста — был ответственным сотрудником ЦК РКП(б).

«Все это весьма похоже на сказку, но из тех, которые не сочиняются, а делаются», — узнав от Василия Евдокимовича историю его жизни, воскликнул М. Горький. Впрочем, лучше все по порядку.

В семье Евдокима Семеновича Дровяникова, безземельного кубанского казака из села Царский Дар (ныне Вели-

ковечное Белореченского района Краснодарского края), было девять детей — мал, мал, меньше. Поэтому Васильку и в школу довелось ходить только две зимы. В десять лет он уже батрачил на кулаков. В двенадцать — работал кочеваром в Майкопе.

1917 год Василий Дровяников встретил солдатом Литовского полка царской армии. Первое боевое крещение получил на баррикадах февральской революции — ранен жандармской пулей. В марте стал членом РКП(б). После Октября партия направляет коммуниста Дровяникова на его родину — Кубань, где во всю хозяйничали казацкие атаманы. Здесь он первым делом создает красногвардейский отряд из бывших солдат-фронтовиков. Вместе с ними провозглашает в родном селе Советскую власть. А потом с оружием в руках, не на жизнь — на смерть отстаивает завоевания социалистической революции.

Он прикрывает отход красных частей за Терек и в Астрахань. По поручению крайкома партии организует в

(Окончание на 8-й стр.)

На снимке: А. М. Горький и В. Е. Дровяников в Сорренто. Май 1928 года.

Фото писателя Ивана Вольнова.